

ствительно иеродулом, встречаются изредка в греческих манумиссиях. Так, например, в одной надписи с острова Коса имеем дело с примитивной формой манумиссии («Inscr. Cos», № 36—SIG³, 1106). В этой надписи раб посвящается Гераклу таким образом, что он получает свободу, но должен оставаться при храме и помогать при исполнении культа¹. О каких-то работах для храма, которые должен выполнять вольноотпущенник, говорится и в манумиссии из Лебадеи (II в. (?) до н. э.)².

В Северном Причерноморье пока почти не найдены документальные свидетельства существования иеродулии (абстрагируя от надписи IOSPE, II, 353). Во всяком случае, заслуживает внимание херсонесское надгробие, обнаруженное в 1907 г., со следующей надписью: Σωτήριχος θεῶς Πιρθέου (IOSPE, I², № 457). Издатель надписи В. Латышев допускал возможность того, что Gen. possessivus вызван или пропуском слова ἱερῶς, или обозначает, что Сотерих принадлежал богине, т. е. был иеродулом (комментарий Латышева к ук. месту).

Однако надо сказать, что греческие манумиссии с сильными следами иеродулизма ставят на первый план отдельные услуги вольноотпущенника в отношении к храму. В боспорских же документах упор делается на пребывании при храме. К тому же в еврейской молельне из-за несложной обрядовой стороны культа вряд ли требовались бы специально подсобные работники в помощь священнослужителям. Скорее мы имеем здесь пример того, как в старую юридическую форму вкладывалась новая социально-экономическая сущность. Вольноотпущенники, прикрепленные к храму, использовались не столько для культовых, сколько для производственных целей, скажем, для обработки храмовых земель или, вернее, участков, которыми владели молельни евреев и боспорских фисагов³. Этот труд вольноотпущенников носил в основном непостоянный характер, так как они приходили в молельню от времени до времени, хотя некоторые пребывали при самой молельне.

Б. И. Надель

ГРЕКИ И СКИФЫ В ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

(Доклад, прочитанный в секторе древней истории Института истории АН СССР 27 мая 1947 г.)

Западнопонтийские колонии были основаны греками в VII—VI вв. до н. э. Соседями их вначале были одни фракийцы. Первое засвидетельствованное в истории соприкосновение греков Западного Понта со скифами относится к началу V в. до н. э. Завоевательный поход Дария против скифов вызвал ответную наступательную борьбу последних: по свидетельству Геродота (VI, 40), скифы, собрав войско и пройдя через Фракию, дошли до Херсонеса Фракийского. Переправа в Малую Азию им не удалась, и они ушли обратно. Судя по Геродоту, этот поход имел место в 496/95 гг. Совпадение его во времени с втянувшимся восстанием ионийцев против персов кажется нам не случайным. Можно допустить, что скифы были в курсе всех дел, происходивших в бас-

¹ Caldegerini, ук. соч., стр. 97, прим. 3.

² Daresté, ук. соч., II, 2—3, 5, стр. 239.

³ Интересную аналогию имеем в боспорской надписи IOSPE, II, 353 (IGRR, I, 883), в которой говорится о прикрепленных к храму земледельцах-пелатах (151 г.). Латышев и Канья считают их колонами, Жебелев («Основные линии экономического развития Боспорского государства», ИАН, ООИ, 1934, стр. 598)—иеродулами, Ростовцев, явно модернизируя, крепостными (ИАК, вып. 49, 1913, стр. 29; «Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich», В. II (1929), 5, 287; САН, VIII, 983; «The social and economic history of the hellenistic world», Oxford, 1941, III, 770 и 1515).

сейне Эгейского моря, получая сообщения от греческих колонистов западного и северного берегов Понта. Благодаря этому они рассчитали наиболее выгодный момент для своего выступления.

На это же приблизительно время падает известие, что скифский царь Ариапейф женился на истриянке (H e r o d., IV, 78). Женидьба скифского царя на гречанке, занявшей как будто первое место среди остальных жен Ариапейфа¹, должна была быть следствием тесных связей истрийцев со скифами. Значение Истрии, как торгового центра, делало для царя скифов союз с ней очень желательным. Можно предположить, что, возвращаясь из похода к Боспору Фракийскому, скифы удержали северную часть Добруджи в своих руках. Вероятно, владения скифского царя непосредственно граничили с городом, и это делало возможными дружественные отношения греков и скифов.

Возвышение фракийского царства одрисов в первой четверти V в. прервало временно эти связи. К середине V в. владения одрисов доходили до Дуная, служившего границей между ними и скифами (H e r o d., IV, 80). Дружественные отношения Фракии и Скифии в это время свидетельствуются тем, что царь скифов Ариапейф был женат на дочери фракийского царя Тереса. Сын его от этого брака Октамасад был возведен на престол скифами после свержения эллинофила Скила. Археологическое исследование погребений фракийской аристократии в могилах Мушовица, Кукува, Лозарската и богатого погребения близ Дълбоки показало, что во всех этих захоронениях, относящихся к концу VI в. и первому десятилетию V в. до н.э., наряду с изделиями греческих мастеров имеются и «скифские» предметы. Они могли быть или сделаны на месте или привезены из Скифии². Последнее показывает, что фракийская аристократия активно воспринимала скифские обычаи. Это обстоятельство, однако, не убеждает нас согласиться с Кэссоном, писавшем о превосходстве скифской культуры над фракийской³. Объяснение ему нужно искать в теснейших, часто родственных, связях фракийской и скифской аристократии.

В течение V в. западнопонтийские греки состояли под верховной властью одрисских царей Тереса, сына его Ситалка и других (Ф у к и д и д, II, 97). Но в IV в. положение в тылу греческих городов Западного Причерноморья изменилось—к середине столетия вся территория Добруджи была занята пришедшими с севера скифами. Известный болгарский ученый Г. Кацаров считает, что под напором скифов в IV в. распалось царство одрисов во Фракии⁴. Переселение скифов к югу от Дуная Ростовцев объясняет натиском сарматов, двигавшихся с востока. Это заставило скифов перейти через Дунай и занять территорию вплоть до Гема⁵.

Из рассказов П о м п е я Т р о г а (IX, 2) и С т р а б о н а (VII, 18,4) мы узнаем о существовании большого скифского царства, включавшего и Добруджу, которым в середине IV в. правил царь Атей⁶. Точных границ царства Атея определить нельзя. На севере во владения Атея входила большая часть скифских племен, обитавших между Истром и устьем Меотиды (S t r., VII, 18, 4). На Балканском полуострове Атей, повидимому, далеко продвинулся: он разбил диких и воинственных трибаллов, живших в глубине Фракии (P o l y a e n, VII, 44, 1; F r o n t i n, Stratag., II, 4, 20), а на юге угрожал даже Византию (C l e m. A l e x., Strom., V, 5, 31).

Несомненно, в середине IV в. до н. э. в северо-западных степях Причерноморья существовало могущественное скифское царство, подчинившее себе часть фракийских племен восточной половины Балканского полуострова. Нельзя рассматривать господство скифов в Добрудже в этот период только как единичный эпизод, как недолговечный военный поход. Скифы под предводительством Атея, как показывают археологические

¹ Сын ее, Скил, сразу наследовал власть после смерти Ариапейфа.

² М. I. R o s t o v z e f f, SEHW, стр. 113.

³ S t. C a s s o n, Macedonia, Thrace and Illyria, Oxford, 1926, стр. 196 сл.

⁴ Г. К а з а г о в, Thrace, САН, VIII, стр. 537.

⁵ М. И. Р о с т о в ц е в, Эллинизм и иранство на юге России, II, 1918, стр. 42

⁶ См. К а e r s t, RE, s. v., Atheas.

материалы, не были пришельцами, совершенно чуждыми фракийцам. Распространение скифского могущества на юг от Дуная сопровождалось усилением влияния скифов на фракийцев. Оно иллюстрируется богатыми погребениями фракийской знати в долине реки Гебр¹. Найденные там предметы скифского обихода, частью привезенные из афинских мастерских, частью сделанные местными ремесленниками, обнаруживают удивительное сходство с предметами из южнорусских скифских погребений. Эти материалы дают возможность Ростовцеву говорить о зависимости фракийских князей от скифов, о движении скифов на Балканский полуостров.

Может быть, на основании этих только материалов говорить о зависимости династов центральной Фракии от скифов пока преждевременно. Но в многочисленных «скифских» предметах во Фракии должно, как нам кажется, видеть свидетельства продолжавшихся еще со времен Ситалка и Октамасада родственных связей между фракийской и скифской аристократиями. Благодаря этому ко времени подчинения части фракийцев Атею верхушка их довольно сильно восприняла скифскую культуру².

Возникновение могучего скифского царства в тылу западнопонтийских городов в середине IV в. и поселение в Добрудже массы скифов должны были вызвать особенный подъем торговли между греками и варварами. Скифы издавна пользовались изделиями греческих ремесленников, и для торговли со скифами работали не только малоазийские и афинские мастерские, но и ремесленники самих причерноморских городов. В западнопонтийских колониях развивается усиленно местное производство, так как, говорит Ростовцев: «греческие колонии Фракии, подобно южнорусским колониям, начали собственное производство, чтобы удовлетворять своих фракийских и скифских потребителей, которые ныне предпочитали эти местные изделия дорогостоящим греческим импортным товарам» (SENNW, 118).

Сильная централизованная власть скифского царя облегчала доступ греческим торговцам внутрь страны. Это еще более укрепляло экономику западнопонтийских городов. Рост благосостояния их в IV в. свидетельствуется тем, что Каллатия и Одесса именно в это время начали чекан собственной монеты.

Подробностей о взаимоотношениях западнопонтийских городов с царем Атеем сохранилось очень мало. Можно думать, что помощь Атея дала возможность Одессе устоять против осаждавшего город Филиппа в 342 г. (Iordani, Getica, X, где рассказ об этом эпизоде сильно приукрашен фантастическими подробностями). Позднее, когда мощь скифов подверглась угрозе со стороны каких-то «истрианцев»³ (cum bello Histrianorum premeretur—Iust., IX, 2, 1), жители Аполлонии выступили посредниками в переговорах Атея с Филиппом. Из контекста Юстина можно вывести, что аполлонияты были настроены дружелюбно по отношению к Атею.

Мощь скифского царства на Балканах была, однако, скоро сокрушена. Атей не смог отразить натиск Македонии. В 339 г. в жестокой битве скифское войско было разбито,

¹ Публикация раскопок этих погребений принадлежит Г. Кацарову, И. Волюкову и др. в «Изв. Болгарского археологического института», тт. VI, VII и др. Общий анализ их дан М. И. Ростовцевым, *op. cit.*, стр. 112—118.

² Мы не можем согласиться с крупным французским историком Г. Глотцем (G. Glotz, Histoire Grecque, III, Paris, 1941, стр. 144 сл.) в его освещении скифских позиций в Добрудже. Противопоставляя «эллинизованных гетов» скифам, Глотц называет Атея предводителем одного из скифских племен, отступавшего под натиском сарматов. Это противоречит источникам, рисующим Атея царем могущественной державы, объединившим под своей властью огромные территории.

³ Кто были «истрианцы»? Ряд ученых (Kaerst в RE; G. Glotz, *ук. соч.*, III, стр. 345 и др.) связывают их с жителями герода Истрии. То, что известно из источников, не позволяет согласиться с данным мнением. Невозможно допустить, чтобы Истрия сумела организовать такое сопротивление Атею. Мы склонны думать, что «истрианцы» были передовыми отрядами кельтов, пришедших с верховьев Дуная и получивших от этого свое название.

сам Атея погиб в сражении. Юстин приписывает поражение скифов хитрости Филиппа (*cum virtute et numero praestarent Scythae arte Philippi vincuntur*).

Разгром Атея повлек за собой временное ограничение скифской власти на Балканах. Возможно, что границей скифского царства на мг сейчас спясть, как и в V в., стал Дунай. Но это не означало ухода скифов из Добруджи. Правда, неудачный поход Эолириона против скифов и греков Северного Причерноморья показал, что центр тяжести скифского царства лежал к северу от Дуная (*I u s t . , XII, 2, 16 и XII, 1,4; C u r t . , X, 1, 43, а также В. В. Л а т ы ш е в, Исследования... об Ольвии, стр. 61—66*).

Однако какая-то часть скифов осела на жительство в Добрудже и в предпоследнее десятилетие IV в. играла там немаловажную роль. Свидетельством этого является то, что в период упорной борьбы Каллатии с Лисимахом, начавшейся в 313 г. до н. э., греки обратились за помощью и союзом к фракийцам и скифам, жившим по соседству (*D i o d . , XIX, 73*).

Мы полагаем, что скифы, вступившие в соглашение с греками побережья, обитали внутри Добруджи. Диодор указывает, что греки призвали скифов *τοὺς ἄρσι οὐτάς*. Нельзя думать, что это скифы, пришедшие из-за Дуная; непосредственно к северу от устьев Дуная в то время обитали геты, скифские земли лежали дальше.

Объединение скифов, фракийцев и греков было столь серьезной силой, что Лисимах постыдился отделить их друг от друга. Устранив фракийцев, он убедил их перейти на его сторону. В отношении скифов он не мог применить подобную политику и вступил с ними в сражение. Часть скифов была убита или попала в плен, оставшиеся были вытеснены *ἔκτες τῶν ὄρων*.

Это замечание Диодора наводит на мысль о существовании каких-то границ, проходивших в то время между македонскими и скифскими владениями. Пришедшие из-за этих границ скифы были вытеснены обратно. Если бы границей служил Дунай, то вряд ли Диодор упустил бы его назвать. Естественнее предположить, что границы проходили где-то в тылу греческих городов, т. е. македонские владения тянулись вдоль прибрежной линии, а скифы владели внутренней частью Добруджи, по крайней мере на севере.

Таким образом, данный отрывок Диодора свидетельствует о постоянном обитании скифов в Добрудже в 313—312 гг. до н. э. Переселение их туда относится, вероятно, к предшествующему периоду, т. е. ко времени, очень близкому власти Атея на Балканах.

Возможно, что после поражения Атея переселение скифских племен на юг от Дуная не прекращалось. Об этом периоде свидетельствует как будто замечание Страбона о происхождении названия Малой Скифии (VII, 4, 5). Говоря, что вся территория от устья Меотиды до Борисфена называется Малой Скифией, Страбон отмечает, что вследствие множества переселявшихся отсюда за Тиру и Дунай скифов и там страна стала называться Малой Скифией. Фракийцы же уступили часть под давлением силы, частью вследствие плохого качества этой области, сильно заболоченной. Деметрий Каллатиец (*P s . - S c u m n . , 756 и 766*), живший в середине III в., указывает, что скифы жили близ Дионисополя и занимали всю область вокруг Том. Эти сведения вместе с данными Диодора показывают, что переселение скифов в Добруджу происходило не позже последней четверти IV в. до н. э. А замечание Страбона, что фракийцы должны были уступить силе переселявшихся скифов, позволяет предположить, что это переселение началось еще до поражения Атея в 339 г., т. е. в эпоху наибольшего расцвета скифской державы в IV в. Как мы видели, и в 313 г. скифы были столь мощными соседями, что греки искали у них поддержки. Были ли соседи-фракийцы подчинены скифам в этот период—сказать определенно нельзя. Но упоминание их Диодором на равноправных основаниях заставляет думать, что в то время скифы и фракийцы были независимы друг от друга.

Последующие войны Лисимаха в северной части Балканского полуострова прошли без видимого участия в них скифов. Нашествие кельтов в 280—270 гг. оказало воздействие на судьбы балканских скифов. Ростовцев прямо пишет (*SENN W, 119*) о поглощении кельтами скифского царства в Трансильвании. Но так как у нас нет

данных о пребывании кельтов в Добрудже, то высказывать какое-либо определенное мнение о сношениях их со скифами мы не решаемся. Должно признать, что нашествие кельтов и последней волны их—бастарнов задержало, вероятно, восстановление скифского царства в Добрудже.

Однако уже упоминавшиеся нами сведения Деметрия Каллатийца о том, что скифы обитали вблизи греческих городов, показывают, что в III в. скифы занимали там большую территорию. Интересно отметить, что Деметрий Каллатиец еще не знает повидимому, названия Малая Скифия, которое известно источнику Страбона—Пэсидонию.

О тесных связях греков и скифов в III в. свидетельствует пока что единственный факт: в списке жертвователей на постройку храма в Каллатии¹ имеется некто Аристион, сын Скифа. Аристократическое эллинское имя сына Скифа показывает, что он происходил из родовитой греческой семьи. Аналогию этому можно найти в Херсонесе, в III—II в. до н. э. Там имя Скиф встречается у представителей ведущих семей города². Употребление имени Скиф можно, как нам кажется, объяснять родственными связями данного каллатийского семейства со скифами. Отец каллатийца Аристиона получил свое имя в честь родственника скифа.

С конца III в. в Добрудже образуется скифское царство. Оно, вероятно, отделено от Скифии северочерноморской бастарнами, жившими между устьями Дуная и Буга. О существовании этого государства не говорит ни один из авторов, и мы знаем о нем только по нумизматическим и эпиграфическим данным. Монеты с именами царей Канита, Хараспа, Акросы, Сарии, Элия и Танусы, найденные в Малой Скифии, были исследованы впервые нумизматами К. Реглингом и А. В. Орешниковым³. Изучение типов показало, что монеты этих царей были чеканены на монетных дворах Том и Одесса (Томы чеканили монеты царей Канита, Хараспа, Акросы, Элия и Сарии, а Одесса—монеты Тануса и Сарии).

Датировка царских монет еще не установлена, точно так же неясно, принадлежали ли эти цари одной или нескольким династиям. Орешников не отвергает датировку Такелы⁴, относящего монеты Акросы к середине III в. до н. э. Однако Ростовцев причисляет все эти монеты ко II в. до н. э.

Также подвергалось сомнению скифское происхождение вышеупомянутых царей. Орешников, следуя Такеле, склонен был видеть в них гетских царей на том основании, что «Геты населяли... местность, где находят царские монеты»⁵. Ростовцев полагает, что эти династы не были чистыми скифами, скорее фрако-скифами, но обоснования своей точки зрения не приводит. Трудно согласиться с доводами А. В. Орешникова. В эпоху Геродота на западном побережье Черного моря, действительно, жили главным образом геты, фракийское племя. Но с тех пор население Добруджи изменилось. Наряду с фракийцами, как показывают источники, там обитали скифы. Неоспоримым свидетельством является декрет из Одесса II в. до н. э. в честь Гермия антиохийца⁶, в котором

¹ Впервые текст был опубликован в RA, 1925, стр. 253 сл. румынским ученым О. Тафрали. Более основательная публикация надписи была сделана Th. Sauciu-Saveanu («Dacia», I, 108—165). Оба издателя датируют декрет III в. до н. э.

² Этот факт был любезно сообщен нам проф. Б. Н. Граковым; см. IOSPE, I², 403.

³ Статья К. Реглинга «Charaspes» в «Corolla Numismatica» осталась нам недоступной. Содержание ее он излагает во вводной статье к монетам Том в «Antike Münzen Nordgriechenlands», I, 2, 590. Однако главная работа была проделана А. В. Орешниковым (см. его статьи в «Нумизматическом сборнике», III: «Экспурсы в области древней нумизматики Черноморского побережья»; в «Изв. ГАИМК», 1921, I. «Эгюды по нумизматике Черноморского побережья»).

⁴ Такела, Akrosandre, roi des Gètes?, «Rev. Num.», VII, 1900, 197 (по Орешникову, «Нум. сб.», III, 9).

⁵ «Изв. ГАИМК», 1921, I, стр. 219.

⁶ SIG, II, 2056; Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 251, № 17.

Канит именуется царем скифов. Достоин внимания то, что именно Томы, вокруг которых сплошной массой жили скифы уже в первой половине III в. до н. э. (P s.-S s. 765), чеканили монеты всех царей, кроме Тауса. Это указывает на большую зависимость Том от названных правителей, которые могли быть именно царями соседних скифов. Можно считать доказанным, что Харасп был царем скифов¹. Эти данные заставляют думать, что Канит, Харасп, Акроса, Элий, Сария и Тауса были скифскими династиями, царствовавшими в Малой Скифии в III—II вв. до н. э.

Чеканка монет царей в Томах и Одессе означает включение этих городов в состав скифского царства. Отсюда следует, что владения скифов в Добрудже простирались до хребта Гем, который, видимо, служил границей между скифским и фракийским царствами. Отношение остальных городов—Истрии, Каллатии и Дионисополя—к скифским царям еще неизвестно. Отсутствие чекана этих городов с царскими именами не дает оснований предполагать их полную независимость.

Аналогичную картину мы наблюдаем в Ольвии в III—II вв., как явствует из декрета в честь Протогена² и ольвийских монет. Ольвия платила «дары» скифскому царю Сайтафарну и чеканила монеты царя Скилура.

Возможно, что отношения между западнопонтийскими греками и их скифскими владыками также выражались в уплате определенной дани. Можно полагать, что, как и Ольвия, западнопонтийские города сохраняли свою внутреннюю автономию и свободу внешних сношений. Общее впечатление, которое создается при изучении положения западнопонтийских городов в III—II вв., весьма отлично от той бедственной картины, которую рисует для Ольвии декрет в честь Протогена. В рассматриваемый период наблюдается высокий экономический подъем городов Западного Понта, особенно таких, как ранее отстававшие Томы. Они начинают чеканить монету с середины III в., т. е. приблизительно со времени начала возрождения скифского царства. Распространенность монет Одесса во Фракии именно во II в. до н. э. указывает на наибольшую экономическую активность Одесса в это время.

Более благоприятное положение западнопонтийских греков по сравнению с ольвиополитами можно объяснить спокойствием в тылу их, чего была лишена Ольвия в эпоху Протогена. Царство Малой Скифии было достаточно сильным, чтобы установить мир со своими соседями; территория к югу от Дуная не подвергалась еще натиску переселявшихся племен, как это было в Северном Причерноморье.

Подобно северопричерноморским скифам, скифы в Добрудже стремились подчинить своим интересам эллинские города и получить выход к морю. В их интересах было установление тесных экономических связей и дружественных отношений с греками. Текст декрета из Одесса в честь антиохийца Гермия показывает, что находившийся при царе Каните Гермий относился благосклонно к прибывавшим из Одесса грекам, всячески помогая им. Эта возможность могла у него быть только в том случае, если сам царь скифов Канит покровительствовал эллинам и поощрял к этому своих приближенных. Бесспорно, что цари Малой Скифии стремились использовать греческих торговцев и их флот для вывоза продуктов своего царства³. Это были сельскохозяйственные товары, так как, согласно Плинию, скифы в Западном Причерноморье занимались земледелием⁴. Чекан монеты скифскими царями указывает на значительное развитие торговли в Малой Скифии. Это царство вело торговлю с Северным Причерноморьем—на острове Левке, служившем местом культа Ахилла Понтарха, среди различных даров божеству были найдены монеты царей Элия и Канита⁵, принесенные моряками во время их переходов между побережьями Черного моря.

¹ Как указал А. В. Орешников («Нум. сб.», III, 9).

² IOSPE, I² 34 и подробный анализ его у В. В. Латышева, Ольвия..., 66 сл.

³ Политика Скилура, использовавшего греков для укрепления скифского царства в Крыму, обрисована Ростовцевым, «Pontus and its Neighbours» в САН, IX.

⁴ P l i n., NH, IV, 44: Totum eum tractum Scythae Arotres cognominati tenuere...

⁵ М. И. Ростовцев, «Новая книга о Белом острове и Таврике», ИАК, 65, стр. 184. А. Н. Зограф, Находки монет в святилищах на Черноморье.

В Северном Причерноморье одни города, как, например, Ольвия, подчинялись скифам, другие, как, например, Херсонес, вели длительную борьбу с ними, прибегая к помощи понтийских династов, сначала Фарнака I, затем Митридата VI Эвпатора. Города Западного Причерноморья пошли по пути Ольвии, но, повидимому, не проиграли от этого. Подчинившись скифам, они постарались использовать свое положение с наибольшей выгодой для себя.

Можно думать, что скифы Малой Скифии были столь же восприимчивы к эллинской культуре, как их собратья в Крыму, о чем свидетельствуют раскопки в Крыму на месте столицы последних—Неаполя. Монетные изображения наталкивают на мысль о большей эллинизованности владык Малой Скифии, чем крымских скифов. Скилур на монетах сохраняет скифский облик, тогда как Канит представлен в виде эллинистического царя¹.

Подчинение западнопонтийских городов власти царей Малой Скифии не отразилось, как мы пытались показать, отрицательно на их положении. Развитие их шло, не задерживаясь.

Весьма важным было бы для выяснения этого вопроса знать содержание текста декрета из Истрии в честь Агафокла, сына Антифила, тон которого, как пишет Ростовцев (САН, IX, 228), показывает, что греки более или менее примирились со скифами. Однако до сих пор декрет не издан румынами, и это важнейшее свидетельство о пребывании скифов на Балканах во II в. до н. э. остается нам недоступным.

В конце II в. наступил период упадка скифского царства. Натиск бастарнов на северные границы Добруджи должен был сломить мощь скифов².

Сохранившиеся надписи рисуют положение западнопонтийских городов подобным состоянию Ольвии в эпоху Протогена. Прежние покровители—скифы не могли защитить их от нападений пришедших варваров.

Вслед за тем западнопонтийские города между Гемом и Дунаем подпали под власть Митридата Эвпатора, как свидетельствует выпуск ими монет с портретом царя. От этого времени до нас не дошли ни монеты, ни надписи с именами скифских царей, и можно думать, что они также были подчинены Митридату.

Последний раз в автономной истории городов Западного Причерноморья мы встречаемся со скифами в 62 г. до н. э., когда греческие города побережья восстали против угнетений римского наместника Македонии—Гая Антония Гибриды. Опять, как и за 250 лет до того, восставшие греки обращаются за помощью к скифам и новым соседям—бастарнам. Из рассказа Диона Кассия (XXXVIII, 1) мы узнаем, что скифы и бастарны, призванные на помощь, разбили римского полководца и изгнали его из пределов страны.

Это краткое замечание Диона Кассия указывает на продолжение политики союза и дружбы греков прибрежных городов со скифами. С другой стороны, мы узнаем из него, что, несмотря на вторжение новых пришельцев—бастарнов, скифы не уступили своего первенствующего положения в Добрудже. Можно полагать, что окончательно скифская мощь в Добрудже была сломлена в период гетского царства Биребисты и последующих римских походов на западный берег Понта.

Итак, скифы появившись в Западном Причерноморье в начале V в. до н. э., смогли установить там свою власть только в 40-х гг. IV в. до н. э. в эпоху могущественного царя Атея. Распад скифской державы после смерти Атея привел к временному ослаблению скифов. С середины III в. до н. э. возрастает сила скифов, благодаря созданию независимого, вероятно, царства Малой Скифии в Добрудже. Передвижения племен в конце II—начале I вв. до н. э. и натиск готов и римлян ослабили это скифское царство.

¹ На эту особенность нам указал проф. П. Н. Шульд.

² SIG³, 708 рисует трехкратные нападения бастарнов на Истрию и бедствия города.

Взаимоотношения греков Западного Понта со скифами в V в. до н. э., вероятно, были только дружескими. При Атее они приобрели характер союза. Позднее греки вынуждены были признать власть царей Малой Скифии.

Таковы известные нам черты взаимоотношений греков Западного Понта в эпоху их автономного существования со скифами. Они показывают, что власть скифов в Добрудже была долговременной и устояла против многих внешних нападений, что роль скифов в истории Западного Причерноморья, особенно в жизни греческих колоний, была значительна. Скифы не только достигли высокого культурного уровня благодаря связям с греками, но они оказали, в свою очередь, значительное воздействие на фракийцев.

Г. В. Блаватская

О ПОГРЕБЕНИЯХ РОКСОЛАН

Первые достоверные сведения о присутствии сарматов в Европе, т. е. западнее Дона, нам сообщает Полибий, упоминая сарматского царя Гатала (на берегу Понта Эвксинского), примкнувшего к большому союзу государств Малой Азии около 179 г. до н. э. (SC, стр. 444). Это первое упоминание формы «сармат» вместо прежних «савромат» и «сирмат».

Постепенное просачивание отдельных сарматских племен за Дон приводит уже во II в. до н. э. к занятию ими отдельных больших степных районов от Дона до Днепра, если не западнее, и к постепенному оттеснению скифов из этих районов далее на запад и в Крым. Известно, что во времена Цезаря, в момент кратковременного усиления гетов и их владения Ольвией, западной границей сарматов был Днепр. Об этом свидетельствует официальная карта Римского государства, составленная Агриппой на основании источников времен Цезаря. В состав 24 областей римского мира входили, как IX область, *Sarmatia* и *Scythia Taurica*. Сарматия представляется обширной страной от Кавказских гор и Каспийского моря до Днепра. *Scythia Taurica* находилась в пределах Крыма и граничила на севере с сарматами¹.

Таким образом, римлянам, хорошо осведомленным о Северном Причерноморье, в I в. до н. э. известна Сарматия—основная земля старой Скифии, населенная теперь сарматами. С этого времени общее имя для новых пришельцев-сарматов чередуется у античных авторов с названиями отдельных крупных племен или их союзов, среди которых в Европейской Сарматии выделяются языги, затем роксоланы, а за ними идут могущественные аланы.

В языхах-сарматах Страбона E. Minns, вслед за Мюлленгофом, видит более позднюю форму имени яксаматов², живших по соседству с савроматами у Меотиды. Одни античные авторы считали их меотийскими племенами (Деметрий), другие—савроматскими (Эфор)³. М. И. Ростовцев видит в языхах меотов, изгнанных на запад сарматами⁴. Артемидор Эфесский (конец II в. до н. э.), послуживший источником Страбона для его VII книги, указывал, что около этого времени языги дошли уже до степей между Днепром и Дунаем, а роксоланы заняли равнины между Доном и Днепром.

Если языгов не считать сарматской группой, то авангардным сарматским союзом надо признать роксолан. Их появление здесь в конце II в. до н. э. зафиксировано двумя источниками: Артемидором Эфесским и херсонесской надписью в честь Диофанта.

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 44—45.

² E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 120.

³ В. Латышев, SC, стр. 2 (сообщает псевдо-Скимн).

⁴ M. Rostovtzeff, *The Sarmatae and the Parthians*. САН, XI, стр. 92—93.